

ХОРОШИЕ КВАРТИРЫ МИХАИЛА БУЛГАКОВА

ТРИ МОСКОВСКИХ АДРЕСА, С КОТОРЫМИ СВЯЗАНЫ УДИВИТЕЛЬНЫЕ СОБЫТИЯ
В ЖИЗНИ ПИСАТЕЛЯ И ЕГО ГЕРОЕВ

Г

География... литературы?! А ведь она, представьте, есть! Прячется в улочках, проездах, тулупках, в подъездах и подворотнях сохранившейся Москвы, в каминных залах и чердачных каморках, в тысячах домов, где жили и правили свои рукописи и великие русские писатели, и чернорабочие русской словесности.

Вот Москва Михаила Булгакова — это ведь почти Вселенная. Сотни домов, где он бывал, десятки, где жили герои его книг и всего восемь, где ему самому довелось обитать за 24 последних года. Не все они сохранились, как почти «голубятня» (его слово!) во дворе дома № 9 по Чистому переулку или писательский дом в Нащокинском, 3/5, где он скончался. Но все и стигнувшие, и уцелевшие здания готовы поведать нам свои истории из этого ненаписанного пока учебника — «География литературы».

И какие невероятные истории!

Ну а к первому из булгаковских домов мы пройдем по несравненной Пречистенке.

*1
Мастер с нами!

*2
Елена и Михаил
Булгаковы. 1936 год.

Легенды и сюжеты Пречистенки

Пречистенка — очень литературная улица. Скажем, в доме № 9 жил до конца 1930-х писатель, автор воспоминаний о Льве Толстом А.Б. Гольденвейзер, к которому заходили Мандельштам и Пастернак, Рахманинов и Лариса Рейснер. А в доме № 10/2 бывали легенды русской литературы: Денис Давыдов, Петр Вяземский, Чаадаев, Боратынский и даже Герцен, ибо здесь, в собственной усадьбе, жили с 1839 по 1842 год генерал-майор, историк и публицист М.Ф. Орлов и его жена, дочь героя 1812 года Н.Н. Раевского — Е.Н. Раевская, прообраз Марины Мишкек в «Борисе Годунове». Здесь же, но позже, в 1914 году, квартировал в качестве учителя сыночек богатого предпринимателя молодой Пастернак. Я уж не говорю о тех, кому посвящена мемориальная доска на стене, — о членах Еврейского антифашистского комитета, которые в 1940-х годах работали здесь над созданием «Черной книги» — о зверствах фашистов. В комиссию входили и бывали в этом здании Эренбург, Квитко, Маркиш, Антокольский, Шкловский и даже Андрей Платонов.

А два литературных музея рядом — дома 11/8 и 12/2. В первом с 1921 года в музее Л.Н. Толстого, в старом особняке Лопухиных,

жили секретари писателя: открывший музей В.Ф. Булгаков и историк литературы, автор «Летописи жизни и творчества Л.Н. Толстого» Н.Н. Гусев. А во втором, где в усадьбе помещика А.П. Хрущева находится ныне музей Пушкина, жили прозаики и краеведы Д.И. Никифоров (автор двухтомника «Старая Москва»), а позже, в 1920–1930-е годы, директор НИИ краеведческой и музейной работы Ф.Н. Петров и историк искусства, автор справочников-путеводителей «Москва», «Подмосковье» М.А. Ильин.

В этом музее тьма артефактов. Здесь есть даже чернильница поэта-партизана Д.В. Давыдова и обтянутый золотом диван, привезенный из Каменки, на котором он, как и мы грешные, растягивался после обеда, охоты или поздней гульбы.

А вообще на Пречистенке в разные годы жили: Николта Всеволожский, автор водевилей (дом № 7), Борис Пильняк, Вяч. И. Иванов, Илья Эренбург (дом № 16), Денис Давыдов (дом № 17), Анна Ахматова (дом № 21/12), Сергей Есенин, Айседора Дункан и Пантелеймон Романов (дом № 20), Иван Тургенев (дом № 26), Константин Леонтьев (дом № 32/1), Алексей Плещеев и отец Марины Цветаевой Иван Цветаев (дом № 35), Николай Языков (дом № 39/22), наконец, Лидия Кашина, героиня поэмы «Анна Снегина» (дом № 40/2). Это не считая многих менее именитых литераторов.

Ну разве не литературная улица эта Пречистенка, по которой мы уже подходим к первому адресу Михаила Булгакова? Ух, какой это дом! Да и место этого здания на древней Пречистенке знаменито. Ведь возвели его на земле, где стоял когда-то, два века назад, дом Соколовина, у которого с 1810 по 1812 год жил поэт Василий

*3

А. Стародубова. Моя Пречистенка.

РЯДОМ С ЭТИМ ПОДЪЕЗДОМ, ПРИ РАЗГУЛЯВШЕМСЯ ВООБРАЖЕНИИ, ВПОЛНЕ МОЖНО УСЛЫШАТЬ ТЯВКАНЬЕ СОБАЧОНКИ, КОТОРОЕ СКОРО ПЕРЕЙДЕТ ВО ВПОЛНЕ ОТЧЕТЛИВОЕ «АБЫРВАЛГ»... ПОМНИТЕ?

Андреевич Жуковский (товарищ Соковнина по учебе в Благородном пансионе). А в 1918–1919 годах здесь поселился, переехав из Петрограда, Осип Эмильевич Манделштам — к нему был вход с Пречистенки.

Но нас сегодня интересует второй подъезд — тот, что с Чистого переулка. Ведь рядом с ним, при разгулявшемся воображении, вполне можно услышать тьяканье собачонки, которое скоро перейдет в человеческую речь, во вполне отчетливое: «АБЫРВАЛГ...»

Помните?

«Собачье сердце»
(Доходный дом С.М. Калугина,
1904 г. — Пречистенка, 24/1)

Да, в этом подъезде, в бельэтаже, жила в 1910–1920-е годы врач-гинеколог, профессор Николай Михайлович Покровский, дядя Михаила Булгакова по матери и, кстати, сын соборного протоиерея Орловской губернии и попады Анфисы Ивановны, которая в девичестве, представьте, носила фамилию Турбина. А выражения уже самого Покровского, его остроумные фразы мы и сейчас не без удовольствия цитируем в «умных разговорах».

Их и донес до нас через «Собачье сердце» его племянник, не раз останавливавшийся здесь.

Первый раз Булгаков ввалился сюда в 1916-м, выпускником медфака Киевского университета и успешным уже врачом. Приехал по вызову за назначением; тогда весь выпуск университета получил звание ратников ополчения 2-го разряда и, чтобы они не были призваны на военную службу, а использовались бы как врачи в земствах, и надо было получить назначение. И приехал он в эту 7-комнатную квартиру не один, а с первой уже женой — Татьяной Лаппой, такой же безалаберной, еще веселой в свои 24 года и ироничной, как и он. Они три года как были женаты, и он давно понял, как повезло ему с ней. Мало того, что из всех трех жен писателя она была единственной венчаной супругой, так еще и оказалась самым преданным ему человеком.

Биограф Булгакова А. Варламов прямо пишет о ней:

«Булгакову невероятно повезло с первой женой, ей с ним — несколько. Все, что она делала в последующие годы, вызывает только восхищение. Если бы не было рядом ... этой женщины, явление писателя Булгакова в русской литературе не состоялось бы...»

Впрочем, здесь они просто веселились еще: ходили в Малый театр, где Таня ухитрилась потерять свой зонтик с янтарной ручкой, ну и, конечно, в «Прагу», в ресторан. Правда, для этого пришлось заложить в ломбард золотую цепь жены, подарок родителей (я же говорю — безалаберная парочка!), от чего нам оста-

*4
Пречистенка, 24/1.
Доходный дом
С.М. Калугина.
Тот самый...

*5
Татьяна Лаппа
(1892–1982).

*6
«Собачье сердце».
Обложка первого
издания.

лась лишь квитанция: «В Тверском отделении Московского городского ломбарда заложена золотая цепь по № Д111491 (ссуда 70 руб.)». Веселились, не зная, что, получив назначение, он отправится отсюда в деревню, где будет ампутировать пальцы, выпрямлять вывихи, удалять атеромы, липомы и осколки ребер да выскабливать матки...

Сколько раз он останавливался в этой квартире, в точности неизвестно. Бывал здесь, но уже один, и в 1917-м, и в феврале 1918-го. «У нас Миша, — напишет в Киев его сестра Варя. — Его комиссия освободила от военной службы... 22 февраля выдала ему удостоверение, что он в Вяземской городской земской больнице «выполнял свои обязанности безупречно». И этому можно и должно верить...» И как-то, приехав, успел даже влюбиться в «девушку К.», живущую по соседству в том же Чистом переулке. 21 декабря 1924 года запишет в дневнике: «Около двух месяцев я уже живу в Обуховом (Чистом. — Авт.) переулке в двух шагах от квартиры К., с которой у меня связаны такие важные, такие прекрасные воспоминания моей юности — и 16-й год и начало 17-го...» А однажды, уже в самый голодный для писателя год в Москве, хозяин квартиры, родственник-профессор, буквально спас нам писателя, подарив ему и Тане целый мешок картошки.

Так вот, позже и дом этот, и огромная квартира, да и сам дядя Булгакова станут «героями» повести писателя «Собачье сердце». Как родился замысел повести, неизвестно, но я лишь недавно узнал: Покровский, хозяин квартиры, все эти годы держал в доме и свою собаку — огромного добермана-пинчера, известного, между прочим, не только преданностью и бесстрашием, но и едва ли не самым высоким собачьим интеллектом.

Может, здесь разгадка?

Хотя, как мы помним, Шарик из повести писателя был просто бездомной дворнягой. Его профессор из повести заманил куском колбасы «Особая краковская» у сохранивших-

ся донные ворот дома № 6-8 по Пречистенке. А дальше — дальше надо читать саму повесть. И про то, как профессор Преображенский привел ее, и как после «фантастической операции» превратил пса в «пролетария Шарикова».

Герой-профессор «Собачьего сердца», кстати, был так похож на реального Покровского (тот тоже любил напевать мотивы из «Анды», носил такие же «пушистые усы» и остроконечную бородку и подолгу засиживался за обедом), что, ознакомившись с рукописью, всерьез обиделся на племянника. Было от чего! Но мало кто знает ныне, что в этом же доме, но в других, не «профессорских» квартирах жили и прототип доктора Борментала, и некий «гр-н Потанов» — прототип «главного героя» — собаки-человека Шарикова.

Точно так же мало кто помнит ныне, что «Собачье сердце» Булгаков писал не для публикации (он понимал, что она не пройдет «советской цензуры»), а для «смеха», для чтения ее своим друзьям-пречистенцам. Впрочем, когда впервые прочел ее уже публично, в ОГПУ немедленно поступил донос:

«Был 7 марта 1925 г. на очередном литературном «субботнике» у Е.Ф. Никитиной, — писал осведомитель. — Читал Булгаков свою новую повесть... Вся вещь написана во враждебных, дышащих бесконечным презрением к Советрою тонах... Все это слушается под сопровождение алорадного смеха никитинской аудитории... Есть верный, строгий и зоркий страж у Соввласти, это — Главлит, и если мое мнение не расходится с его, то эта книга света не увидит.

Но разрешите отметить то обстоятельство, что эта книга ... уже прочитана ... она уже заразила писательские умы слушателей... Такие вещи, прочитанные в самом блестящем московском литературном кружке, намного опаснее бесполезно-безвредных выступлений литераторов 101-го сорта на заседаниях».

Вот после таких «сигналов» и нагрянули к Булгакову с обыском в 1926 году, забрав и рукопись «Собачьего сердца», и дневники. Кстати, на допросе в ГПУ Булгаков признался следователю Гендину: «Считаю, что произведение ... вышло гораздо более злободневным, чем я предполагал, создавая его, и причины запрещения печатания мне понятны... Я остро интересуюсь бытом интеллигенции русской, люблю ее, считаю хотя и слабым, но очень важным слоем в стране. Судьбы ее мне близки, переживания дороги...»

Ну а дом, что — дом? Мне остается лишь добавить, что позже в квартире Покровского жили врач-дантист Яков Шаширо и его жена — врач-хирург Рина Брейтман, у которых лечились и бывали здесь Горький, Бабель, актриса Марещкая и многие другие. А если говорить о литераторах, то нельзя не вспомнить, что до 1929 года здесь проживал библиограф Константин Дерунов, а в 1940–1950-е годы — историк искусства, москвовед, автор справочников-путеводителей «Москва» и «Подмосковье» Михаил Ильин.

Такой вот это дом — глядящий окнами на две улицы!

*7
Кабинет профессора Преображенского из фильма «Собачье сердце» очень похож на кабинет-прототипа».

В КОНЦЕ 1921 ГОДА ПРИЕХАЛ БЕЗ ДЕНЕГ, БЕЗ ВЕЩЕЙ В МОСКВУ. ДВА РАЗА СПАЛ НА КУШЕТКЕ В ПЕРЕДНЕЙ, ДВА РАЗА — НА СТУЛЬЯХ И ОДИН РАЗ — НА ГАЗОВОЙ ПЛИТЕ.

МИХАИЛ БУЛГАКОВ

«Дни Турбиных»
(Дом купцов Решетниковых —
Большая Пироговская, 35-6)

Это счастье, что дом этот, хоть и перестроенный до кирпичика, сохранился. Ведь здесь, в цокольном этаже его, с 1927 по 1934 год жил уже прозаик, драматург, либреттист, режиссер и даже актер — Михаил Булгаков.

Это не первое жилье Булгакова на Пироговских улицах. В 1921 году, насовсем переехав в Москву, он поселился в доме бывшего Тихомировского студенческого общежития на Малой Пироговской, 18, куда устроил его киевский друг Николай Гладыревский. До того пять осенних вечей Булгаков провел по знакомым.

«В конце 1921 года — вспоминал, — приехал без денег, без вещей в Москву... Два раза спал на кушетке в передней, два раза — на стульях и один раз — на газовой плите. А на шестую ночь... решил ночевать на Пречистенский бульвар. Он очень красив... в ноябре месяце, но ночевать на нем больше одной ночи нельзя».

Мог ли он вообразить тогда, что через шесть лет первым уже «своим жильем», да еще в отдельной квартире, станет дом совсем неподалеку, на Большой Пироговской? И въедет он сюда, когда уйдет от первой жены и женится на машинистке, на Любови Евгеньевне Белозерской.

«Мы верны себе, — напишет об этом доме в воспоминаниях Белозерская. — Макин кабинет синий («Мака» — домашнее прозвище писателя. — Авт.). Столовая желтая. Моя комната — белая... С нами переехала тахта, письменный стол

*8
С Любовью
Белозерской.

*9
Большая Пироговская,
35-6. Дом купцов
Решетниковых тоже
сохранился.

*10
А так в этом доме
выглядел кабинет
М. Булгакова. 1932 год.

— верный спутник М.А., за которым написаны почти все его произведения, и несколько стульев... На столе (Булгакова. — Авт.) канделябры... бронзовый бюст Суворова, моя карточка и заветная материнская красная коробочка из-под духов Коти...»

Белозерская «высмотрела писателя» в 1924-м на литературном вечере в доме, который тоже сохранился (Денежный пер., 5). Привлекло лицо его — лицо, как отметила, «больших возможностей», но оттолкнули «цыплячьи» ярко-желтые ботинки. Булгаков скажет ей позже не без горечи: «Если бы нарядная и надушенная дама знала, с каким трудом достались мне эти ботинки...»

Она, 30-летняя женщина, недавно вернулась из Парижа. Во Франции выступала танцовщицей в казых-то кафе-шантанах (пишут, что и в знаменитом варьете «Фолли-Бержер»), пробовала сочинить рассказы и даже была знакома с Буниным и Бальмонтом. Прошла, как вспомнит о ней писатель Ю. Слѣзкин, — «огонь, воду и медные трубы» — умна, изворотлива, умеет себя подать и устраивать карьеру своему мужу. Она пришла как раз на ту пору, когда он, написав «Белую гвардию», выходил в свет и, играя в оппозицию, искал популярности в интеллектуальных кругах...» Сам же Булгаков признается тогда

В ЭТОМ ДОМЕ ОН ПЕРЕЖИЛ ВСЕ ТРЕВОЛНЕНИЯ, СВЯЗАННЫЕ С ПОСТАНОВКОЙ ВО МХАТЕ «ДНЕЙ ТУРБИНЫХ» (РЕШЕНИЕ ПО ВЫПУСКУ СПЕКТАКЛЯ ДВАЖДЫ ПРИНИМАЛО ПОЛИТБЮРО ЦК ПАРТИИ)

же сестре: «Люба — это мой крест», а в дневнике запишет интимно: «Чем-то мила и сладка. И толстая...»

Здесь, в этом доме, он создаст пьесы «Кабала святош», «Адам и Ева», «Последние дни» и здесь же возникнет еще первый вариант романа «Мастер и Маргарита», который назывался «Копыто инженера. Князь тьмы». Ведь как раз в год переезда сюда на одном из диспутов в Колонном зале (1 февраля 1926 года) Булгаков уже сказал, что «нужно писать о человеке». Правда, в доносе осведомители сообщалось, что сказал он куда круче: «Надоело, — выкрикнул, — писать о героях в кожаных куртках, о пулеметах и о каком-нибудь герое-коммунисте. Ужасно надоело...»

Так что в этом доме он уже расслачивался за все сказанное и написанное. И самое главное: здесь пережил все треволнения, связанные с постановкой во МХАТе «Дней Турбиных» (решение по выпуску этого спектакля дважды принимало — такие были времена! — само Политбюро ЦК партии). Белозерская в мемуарах «О, мед воспоминаний» напишет потом, что запрещение пьесы было сильнейшим ударом: «как будто в доме объявился покойник». Напишет, что муж «стал раздражительней, подозрительней, стал плохо спать, начал дергать головой и плечом (нервный тик)».

Еще бы не нервничать: поэт Безыменский (тот, кто уже назвал себя «бородатым комсомольцем») как раз тогда публично окрестил Булгакова «новобуржуазным отродьем», Карл Радек прямо в лицо бросил писателю в театре: «Вас за эту пьесу надо расстрелять!», а Маяковский обещал позвать в МХАТ двести человек и сорвать «Дни Турбиных»: «Мы случайно дали возможность... Булгакову пискунуть, — крикнул на одном собрании, — и он пискунул...»

5-е Октября, Вторник
6-е Октября, Среда
7-е Октября, Четверг

Михаил БУЛГАКОВ:

ДНИ ТУРБИНЫХ

В. В. СОКОЛОВА, А. А. АНДЕРС, С. К. БЛИННИКОВ, В. А. ВЕРБИЦКИЙ, Б. Г. ДОБРОУРАЛОВ, В. Л. ЕРШОВ, В. П. ИСТРИН, Е. В. КАЛУЖСКИЙ, М. Н. КЕДРОВ, И. М. КУДРЯВЦЕВ, Б. С. МАЛОЛЕТКОВ, В. К. НОВИКОВ, М. И. ПРУДКИН, В. Я. СТАНИЦЫН, Н. Ф. ТИТУШИН, Н. П. ХМЕЛЕВ, Р. Ф. ШИЛЛИНГ, М. М. ЯНИШИН и др.
Режиссер И. Я. СУДАКОВ.
Учужен Н. П. УЛЬЯНОВ.

Начало в 8 часов.

11) МХАТ открыт ежедневно в 10 часов утра.

* 11
«Белая гвардия». Обложка первого издания.

* 12, 13
Афиша и сцена из спектакля «Дни Турбиных» Московского Художественного театра. 1926 год.

Закончился этот «литературный шабаш» тем, что именно в эту квартиру 18 апреля 1930 года, в ответ на письмо Булгакова в правительство, позвонил лично Сталин. Небывалый по тем временам случай! Вождь спросил писателя: хочет ли он уехать за границу, где хотел бы работать, и обнадежил, что в МХАТе, если Булгаков подаст заявление о приеме на работу, «они согласятся...» Вот после этого разговора писатель, как пишут, и «выбросил револьвер в пруд у Новодевичьего монастыря», а другу, прозаику Вересаеву, сообщил: «В самое время отчаяния, по счастью, мне позвонил Генеральный секретарь. Поверьте моему вкусу, он вел разговор сильно, ясно, государственно и элегантно».

В те же примерно дни в этом доме стала появляться (много раньше развода писателя с Белозерской) его будущая третья жена — Елена Шоловская, которая станет «другом семьи». Здесь

бывали также Ахматова, Замiatин, Олеша, Ильф и Петров (Катаев), братья Эрдманы и многие другие. Здесь же ленинградская актриса и будущая писательница Екатерина Шереметьева заказала ему пьесу для своего театра, которая получит название «Адам и Ева». В 1970-х годах она рассказывала мне, и как они гуляли по Москве, и как сидели в ресторане «Прага», и как она навещала его, флиртовавшего с ней, в этом доме...

За восемь лет жизни с Белозерской писатель посвятил ей «Белую гвардию», «Собачье сердце», пьесу «Кабала святош», а другая пьеса, «Бег», вообще была написана им по ее рассказам об эмиграции. Но его «Любань», «Нанси», «Топсон», «Банга», как он звал ее дома (последнее имя, кстати, перейдет потом к собаке Понтия Пилата в романе «Мастер и Маргарита»), все больше отдалялась от него. Светская, общительная, расчетливая Любовь Евгеньевна (после смерти Булгакова она, кстати, станет домашним секретарем академика-историка Е.В. Тарле) уже завела «на паях» с женой актера Михаила Чехова скаковую лошадь в манеже, мечтала о собственном автомобильчике, даже прошла курсы вождения, а на мужа все больше смотрела как на неудачника, на «лузера».

Белозерская переживет Булгакова на 46 лет, умрет в 1987 году. Насколько я знаю — скончается в этом же доме. Правда, дом уже и тогда был рестроен, и от уютной квартирки Мастера и дольщиком этаже, кажется, ничего уже не осталось.

«Мастер и Маргарита»
(Доходный дом, арх. Г.А. Гельрих, 1911 г. — Пречистенка, 13/7)

Здесь, а не на Садовом кольце, как считают многие, была та самая «нехорошая квартира» из закатного романа Булгакова «Мастер и Маргарита». И всю, считайте, Пречистенку ви-

*14
А. Харшак. Встреча Мастера и Маргариты.

*15
Пречистенка, 13/7. Именно здесь писатель разместил «нехорошую квартиру»...

*16
Машинписанная копия великого романа.

дела отсюда «вылетевшая» в дыму пожара из окна 6-го этажа «банда Волагда»...

Квартиру эту можно увидеть и с улицы — она находится прямо под угловой башенкой на крыше. Именно там, в доме с потолками под семь метров, жил с 1912 года сын знаменитого Карла Фаберже и также художник и руководитель московского отделения фирмы — Александр Карлович Фаберже. Здесь в 1919-м его арестуют чекисты, но друзья выцарапают художника из ОГПУ, после чего он, как пишут, спешно уедет за границу.

Фантастическая квартира! Здесь бывал и описал ее в повести «Голубая звезда» (1918) знаменитый уже тогда прозаик Борис Зайцев. Тут обитал один из героев ее, собиратель старинных книг, верящий в чертовщину и новые законы гармонии, некий, как он иногда называл себя в повести, дон Алонзо-Кихада дель Ретизанов.

«Время есть четвертое измерение пространства! — воспарял он в повести. — Когда мы его сбросим, то станем полубогами и одновременно будем видеть события прошлого и будущего, что сейчас мы воспринимаем в последовательности, которую и называем временем». А про квартиру чудака Зайцев сообщил: «Старинные гравюры по стенам. Письменный стол, резного темного дуба, опирался ножками на львов. На полке кожаного дивана — юнги, на большом столе, в углу у камин, — увражи, фарфоровые статуэтки, какие-то табакерки. На книжных шкафах длинные чубуки, старинный пыльный глобус, заржавленный старинный пистолет...»

Как, скажите, после этого не узнать и камин, и тот же глобус, который под пером Булгакова превратится в волшебный и на котором, уже под руками Волагда, испыхнут адруг реальные спра-

женя и будут оживе гореть какие-то хизкины какой-то деревни?..

Булгаков, пишут ныне некоторые «знатоки», бывал тут и даже успел познакомиться с сыном Фаберже, в чем я лично сомневаюсь (когда?), ведь писатель, как мы помним, явился в Москву в 1921-м. Скорее всего бывал здесь позже, когда в «таинственной» квартире со всей ее обстановкой поселятся также художники — живописцы группы «Бубновый валет», возникшей еще в 1910-м, а к тому времени уже члены «Первой творческой коммуны художников» — Борис Татке, Иван Захаров и его жена Наталья Агашьева.

Тут, в огромной приспособленной под мастерскую зале, Борис Татке помимо портретов вождей революции напишет и работу «Катюка», навеянную поэмой Блока «Двенадцать». Удивительно, но в последний свой приезд в Москву, в мае 1921-го, уже больной Блок поднимется сюда (шикарный лифт уже не работал) и, рассмотрев портрет, согласится — да, эта «разухабистая девица» с папиросой в углу рта — его «героиня».

Помните люстру в романе, на которой, обнимая примус, качался кот Бегемот? Это вот — та люстра, работы Фаберже! А стены, по которым звенели пули чекистов, но никого не убивали? Это — те стены! О том, что именно эта «квартира пошаливала», говорили потом даже близкие Булгакову люди — Н.А. Ушакова, М.А. Чимшикиан-Ермолинская, Н.К. Шапошникова. Но ведь и сам писатель прямо напишет в романе: «Квартира эта ... давно уже пользовалась если не плохой, то, во всяком случае, странной репутацией. Еще два года тому назад владелицей ее была вдова ювелира де Фужера... (!)»

И, значит, все остальное — и люстра, и камин, с полки которого отстреливался от чекистов кот Бегемот, и трюмо, и тяжелые гардины на высоких

окнах с цветными стеклами («фантазия, — пишет Булгаков, — бесследно пропавшей ювелирши!») и даже «ювелирши пуфик» — во времена писателя было еще, что называется, «в реале».

Отсюда перебившийся накануне директоры варьете Степа Лиходеев мгновенно «переместился», был выкинут непрошенными гостями в Яггу. Здесь расхаживала голая Гелла. И имен отсюда, после перестрелки с чекистами, после вспыхнувшего пожара, в разбитые окна верхнего этажа, откуда еще недавно были слышны «звуки патефона», вылетели вдруг еле видные в дыму «странные, загадочные фигуры»...

Впрочем, на улице (то есть здесь, на Пречистенке, а не на Садовой, как пишет Булгаков) их никто так и не успел разглядеть...

*17
С. Тюнин. Бегемот на люстре.

*18
А. Харшак. Иллюстрация к роману «Мастер и Маргарита».

Ну разве не интересно все это? Москва в литературных фантазиях писателя? И разве, перефразируя Воюнда, не хочется вслед за ним воскликнуть: «Как прегудливо тасуется колода ... домов и знаний о Москве — знаний и домов столицы!»

